5-й ГОД ИЗДАНИЯ № 49 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ДЕКАБРЬ МОСКВА, Редакция: Тверская, 28 ● Телефон редакции 3-43-56 ● Контора: Солянка, 12, Дворец Труда. 1927 ГОД

ЧЕРНАЯ НЕБЛАГОДАРНОСТЬ

Рис. Б. Антоновского

РАЗДАВЛЕННЫЙ АВТОМОБИЛЕМ: — Что вы делаете? — Я же член общества друзей автомобиля!

СКАЧКИ С ПРЕПЯТСТВИЯМИ

Рис. Б. А.

В Женеве предстоит конкурс верховой езды.

ЧЕМБЕРЛЕН:— Немца подковал на все четыре ноги, а француз у меня на поводу.

БУЛКА И ИДЕАЛЫ

ДВА молодых врача, Найдич и Розенблюм, были посланы Мосздравом в Глазов, в районную больницу одного из московских уездов. Врачи эти, муж и жена, всего два года тому назад сошли со школьной скамьи в вуз'е, но идеалами, свойственными молодости, отнюдь не горели: они долго морщились, ломались и отнекивались, получив это предложение, и так настойчиво допытывались, есть ли в Глазове кино, культурное общество и теплые уборные в домах, что старик-врач, ведавший назначениями, вынужден был, в конце-концов, сухо пояснить им, что он управляет лечебной, а не канализационной сетью в губернии.

Он вспоминал свои молодые годы и время, когда люди шли добровольно и радостно прямо с экзаменов в самые глухие и заброшенные российские деревеньки, чтобы любовно отдать народу скудные крохи своих знаний, и ему странно было видеть этих юнцов, практичных и осмотрительных и эгоистичных, как бюргеры или геморроидальные ассесоры в свои двадцать пять лет.

Теплые уборные явно интересовали их гораздо больше, нежели состояние лечебного дела и жизнь, и быт, и нужды волости, куда они намеревались ехать.

Поморщившись еще раз, и еще раз справившись, есть ли электричество в этом селе, врачи уехали, наконец, взяв дорожные и суточные, и командировочные, какие полагались им по закону: закон о командировочных они знали тоньше и детальнее, нежели все двенадцать, взятых вместе, мосздравских бухгалтеров.

Восьмого ноября они прибыли в Глазов и, расположившись в отведенной для них казенной квартире, отправились осмотреть, в рассуждении культурного общества и канализации, поселок, где им предстояло работать и жить.

Вечером Найдич зашел к старшему врачу и, без тени смущения на юном и чистом лице, попросил лошадей к обратному поезду.

— Что это значит,— изумленно спросил врач,— вы уезжаете?

— Да, знаете, не устраивает!— сказал Найдич.

И он об'яснил затем, что его супруга с детства привыкла к городскому шуму и рассеянному образу жизни, и безлюдье, которое здесь царит, подействовало на нее угнетающе.

— Помилуйте, полтора интеллигентных человека и никаких культурных запросов и развлечений! Учитель курит махорку и его ногти черны от корешков, жена фельдшера ходит в плисовой юбке и говорит „когды" вместо „когда". Газета приходит на третий день, ни кино, ни приличного клуба, ни канализации, ни журфиксов по субботам!

В семь часов вечера на улице пусто, как будто по селу прошла орда Мамая; даже собаки забиваются в сено по сараям и, как из-под земли, лают оттуда глухо, нагоняя тоску. Он не думал, конечно, увидеть здесь постового милиционера и семафор на углу, чтобы регулировать движение, но, все же... что делают здесь люди по вечерам? Вероятно, читают советы, как разводить сельдерей и редиску в огороде, и играют по маленькой в преферанс? Они побывали в кооперативной лавке: представьте, даже губной помады, даже французских булок нет! Какой-то третьедневный ситник с изюмом, похожий на мышиные следы.

Он понимает, конечно, что не единым ситником живет человек, но и идеалы идеалами, а теплая уборная тоже, знаете, нужна. Если государство заинтересовано в докторах, то пусть...

— Проведет канализацию в деревне? — спросил старший врач и усмехнулся,— и обеспечит сельские лавки губной помадой?

— Ну, это шаржировано. Но мы живем одну жизнь, и я не вижу оснований, почему я и моя жена должны провести эту жизнь под ночной собачий лай и в обществе жены фельдшера, которая говорит „когды"...

— Потому что в вашей помощи и в ваших знаниях нуждаются три тысячи окрестных крестьян на участке.

— Ну да, аргументы шестидесятых годов. Страдающий народ и интеллигенция в толстовских рубахах. А теперь двадцатый век, и мы знаем, что идеалы суть призрак, любовь к ближнему тоже должна оплачиваться ставкой по тринадцатому разряду...

И он опять стал говорить, что молодость одна, и ее обидно похоронить в этой непроезжей глуши, где нет теплых уборных и интеллигентного общества, и губной помады в лавках, что молодость пролетит быстро, и ее нечем будет даже вспомнить потом, когда посеребрится голова...

— Ну что ж,—сказал старший врач, и покраснел почему-то и криво усмехнулся:— в таком случае, не смею задерживать. Простите, но мы говорим на разных языках...

И юной чете подали лошадей, и врачи вздохнули облегченно, выехав за околицу и оставив позади собак, тоскливо лаявших в непроглядной тьме на дворах. Пусть лают! Вдали мерцали огоньки станции и далеко где-то ухал в перелеске, взбираясь на под'ем, паровоз. Подходил поезд.

Через пять часов Москва, и шумная толпа на асфальтовых тротуарах, и ослепительные огни бесшумных „Фордов", и освещенные фасады кино...

Вероятно, в Глазове жена фельдшера печет сейчас оладьи на сковороде и наполняет дурным запахом постного масла весь дом; вероятно, дымя до одурения толстой махорочной ножкой, учитель штудирует при свете ночника последнюю инструкцию о вовлечении сельской интеллигенции в ликбез; темно в хатах, пусто на улицах, и все воют и воют без конца собаки во дворах.

Вероятно, часа через три начнут уже с'езжаться из окрестных сел мужики на прием; они терпеливо будут ждать, бросив сена лошаденкам, до рассвета, когда откроют больницу, и будут разматывать потом грязные тряпки на чирьях и ругаться, что на приеме нет врачей, и некому взрезать нарыв, и надобно ждать очереди до полудня. Чорт с ними, пусть ругаются. Молодость одна!

— Два до Москвы, товарищ кассир! Плацкартные!

А. Зорич

ЧУМЧАРА

Чрезвычайная тройка по оживлению общих собраний на N-ском заводе заседала 11 дней. Ровно в 5 час. вечера они запирались в комнате завкома и сидели там до глубокой ночи. Неизвестно, о чем они там спорили. Сколько они выкурили папирос, какие выносили резолюции.. Только однажды в дождливое утро на доске об'явлений появилась розовая афишка, на которой зелеными буквами крупно:

> Ново... ново... ново!
>
> Спешите... спешите... спешите!..
>
> Завтра, в 9 час. вечера, общее собрание,
>
> На котором лучшие артистические силы
>
> Исполнят следующую повестку дня:
>
> 1) Международное положение — бас Колоколов.
> 2) О вовлечении женщин — мисс Аги — спящая дама в воздухе.
> 3) О работе деревни — эквилибристы Сашэн и Трикке и тяжелый атлет Ваня Иртышев будет гнуть рельсы.
> 4) О профдвижении — фокусы: король воды, море на суше, путешествие яйца, пляска карт.
> 5) О кооперации - исполнит романсы Катя Ананасова — „Усушил мою грудь и утек“, „Отойди — не гляди“ и др.
>
> Весело. Уютно. Лозунги. Буфет. Герои труда.
>
> В заключение — танцы, заключение колдоговора, летучая почта — текущие дела.

Совершенно излишне писать о том, что зал клуба был битком набит. Многие пришли в праздничном платье, на котором блестели вычищенные значки ОДВФ, Доброхима и МОПР'а. У девочек в косичках горели розовые, красные и голубые ленты. Мальчики громыхали отцовскими огромными шагреневыми сапогами. Оркестр — две скрипки, флейта и барабан — без передышки наяривали „гопака“ и „ойру“.

И когда сторож клуба, седой Антон, раздвинул занавес, и предстал роскошный Колоколов в черном сюртуке и с астрой в левой петличке, публика, как вспуганное воронье с колокольни, захлопала и закаркала:

— Бра-во, бравочко.

Знаменитый бас, кланяясь, блестя выбритым пробором и золотым зубом, прогремел:

— Итак, международное положение.

И тогда вышел на сцену т. Петряков — спец-докладчик по международному — и, откашлявшись, начал:

— Товарищи, сейчас, когда СССР напрягает все усилия к тому...

Стоявший с правой стороны Колоколов грянул:

— Чумчара чурара.

Петряков продолжал: „чтобы, как можно скорее, установить свое хозяйство“...

— Ха-ха-ку-ку, — отпечатывал баритон.

„Антанта и мировые хищники стремятся кольцом“...

— Чумчара, чурара...

К концу доклада общее собрание, стуча ногами и хлопая в ладоши, совместно с Колоколовым, ревела:

„Ха-ха, ку-ку“.

О „вовлечении женщин“ прослушали с неменьшим вниманием. Только в середине доклада кто-то крикнул по адресу оратора:

— Отойди в сторону, мешаешь смотреть.

А когда Ваня Иртышев во время доклада „о работе в деревне“ выжимал гири, то очень много любопытных потянулось на сцену, чтобы удостовериться — пустые гири или настоящие.

После романсов Кати Ананасовой председатель чрезтройки, устроившей оживление, обратился к общему собранию:

— Интересно знать, как товарищи относятся к такого рода мерам по оживлению собраний? Не внесут ли какие нибудь предложения? Может быть, есть поправки, вопросы, пожелания?

Общее собрание молчало. Но когда председатель чрезтройки повторил свой вопрос, то с места крикнули сразу трое:

— Делать общее собрание вовсе без докладчиков, а то мешают слушать и смотреть.

— Да, да, верно, правильно.

Председатель чрезтройки хотел еще что-то сказать в свое оправдание, но не успел произнести: „Мы еще не доросли“, как оркестр завопил вальс:

„Я ви-и идел бе-ре-ее-з-к-у-у-у“.

Закружились пары. Извивался серпантин. Со сцены надрывался кто-то в текущих делах: „До сих пор спецодежды не выдали“.

Хлопали пробки и пенилось пиво...

Б. Левин

КАРЬЕРА ШПИОНА

Рис. А. Р.

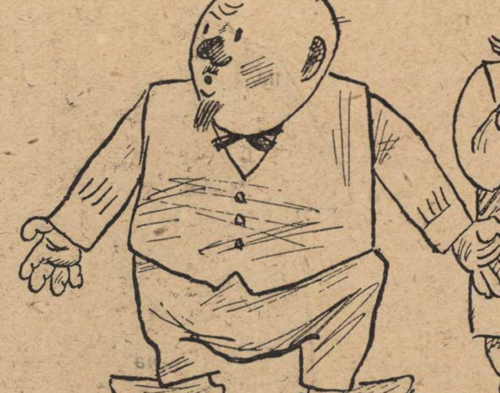

— Чудная вещь — моментальная камера. — Вот — снял, а вот — камера.

В СЕМЬЕ НЭПМАНА

Рис. Б. Антоновского

— Скажите: в вашей семье никто не служит?
— Служит... только собачка.

Рис. Б. Ефимова

КРУПНЫЙ ШАГ

Участие советской делегации в комиссии по разоружению есть крупный шаг в деле мира.

Из газет.

ЧЕМБЕРЛЕН: — Чего они хвастают? У нас тоже крупный шаг!

ДВА ЧЕРВОНЦА

Вор Иван Перепелов, по прозвищу „Фунтик", захворал. Три дня поила его жена малиновым чаем и касторкой, ставила горчичники и кутала в краденую енотовую шубу. Не помогало. Попробовал Иван последнее средство — выпил три чайных стакана водки с перцем. Правда, заснул, а утром говорит жене слабым голосом:

— Зови помощника смерти, какого-нибудь докторишку; пускай определит, от какой болести помру.

Пришел доктор. Посмотрел язык „Фунтика". Выстукал его со всех сторон и говорит:

— Дышите. Так-так. Глубже. Еще. А теперь вытяните руки врозь. Закройте глаза... Тэк-тэк. Положите коленку на коленку. Та-ак. Вы чем занимаетесь?

— Вор я,— признался Перепелов.

— Нуте-ка еще раз руки врозь. Закройте глаза.

— Да-да-да... нервы у вас никуда. Необходимо отдохнуть и переменить профессию... Все это у вас происходит на нервной почве.

— Это, конечно, для нашей специальности нервов не напасешься... Тоже не железные. Но може лекарство какое-нибудь пропишете.

— Лекарство-то вам пропишу; но пользы-то будет тогда лишь, когда вы круто перемените свой образ жизни. Сейчас вам придется полежать, алкоголя в рот ни капли, лекарство принимать три раза в день по чайной ложке—утром, перед обедом и на ночь.

Получил доктор от жены Перепелова три рубля и уехал к другому пациенту. По дороге полез он за своим кошельком, чтобы положить туда трешницу. Только ни в правом, ни в левом кармане, ни в брюках, ни в пальто, ни в пиджаке — кошелька не было.

— Неужто вытащил? И когда он успел? — подумал доктор. — Нет, я этого дела так не оставлю. Безобразие.

И, когда проезжал мимо постового милиционера, остановил извозчика и слез.

— Вот, товарищ милиционер, только что был у больного, и он у меня вытащил кошелек с деньгами. Денег, правда, там не особенно — два червонца с чем-то, но безобразие...

— А, может быть, вы потеряли?

— Нет... Это уж факт, потому больной-то мне сам признался, что он вор.

— Если такое дело, то обратитесь в комиссариат, сейчас за углом.

В комиссариате дали доктору 3 милиционеров, и они пошли. Приходят к Перепелову, а он один—жена за лекарством ушла.

— Давненько мы тебя ищем, ты что же это, голубь, еще вздумал хворать, а, между прочим, у докторов кошельки вытягивать?.. Ну ка подымайся, одевайся. Не прикидывайся, а гражданину врачу верни кошелек с содержимым. Чего зря человека задерживать.

— Да не брал я у него, товарищи... Что вы.

Но один из милиционеров, заметив на комоде два червонца, обратился к доктору.

— Это не ваши, гляньте-ка?

— Как будто мои,— сказал врач.

— Так возьмите их, а кошелек, верно, уж спалили. Они быстро работают.

Доктор попрощался и ушел. Когда вернулся домой, то ахнул: на столе лежал его кошелек, а в к шельке — два червонца и еще мелочь.

— Неужто я дома забыл кошелек, а воровы деньги себе присвоил?

А тут еще докторова жена:

— Ты что же это без кошелька удрал? Кричала тебе, кричала и Анюту посылала за тобой вдогонку...

Задумался врач, как ему быть. Рассказал все жене и спрашивает у нее:

— Может быть, отнести обратно и извиниться, так его уж, вероятно, арестовали, потому он — профессионал.

— А ты пожертвуй их в пользу беспризорных и делу конец!

— Да как же я могу жертвовать, когда это не мои деньги, а воровы?

— Ну, так отнеси их в милицию с просьбой, чтобы ему передали.

— Тоже не дело. Надо найти какой-нибудь другой исход... Может быть, дать об'явление в газете...

На этом и порешили. Через два дня появилось в газете такое об'явление:

„Прошу жену больного вора, у которого я был 3-го с. м. придти от 5 до 7 час. вечера и получить 20 рублей. Врач Хребтов".

Это что за очередь?

— За мукой?

— За деньгами.

— А вы куда, гражданка, лезете,— здесь только воровы жены.

— Товарищи. Тут из одной семьи три женщины, я их знаю...

— А ваш-то муж, кажись, служащий...

— А по вашему служащий не человек?..

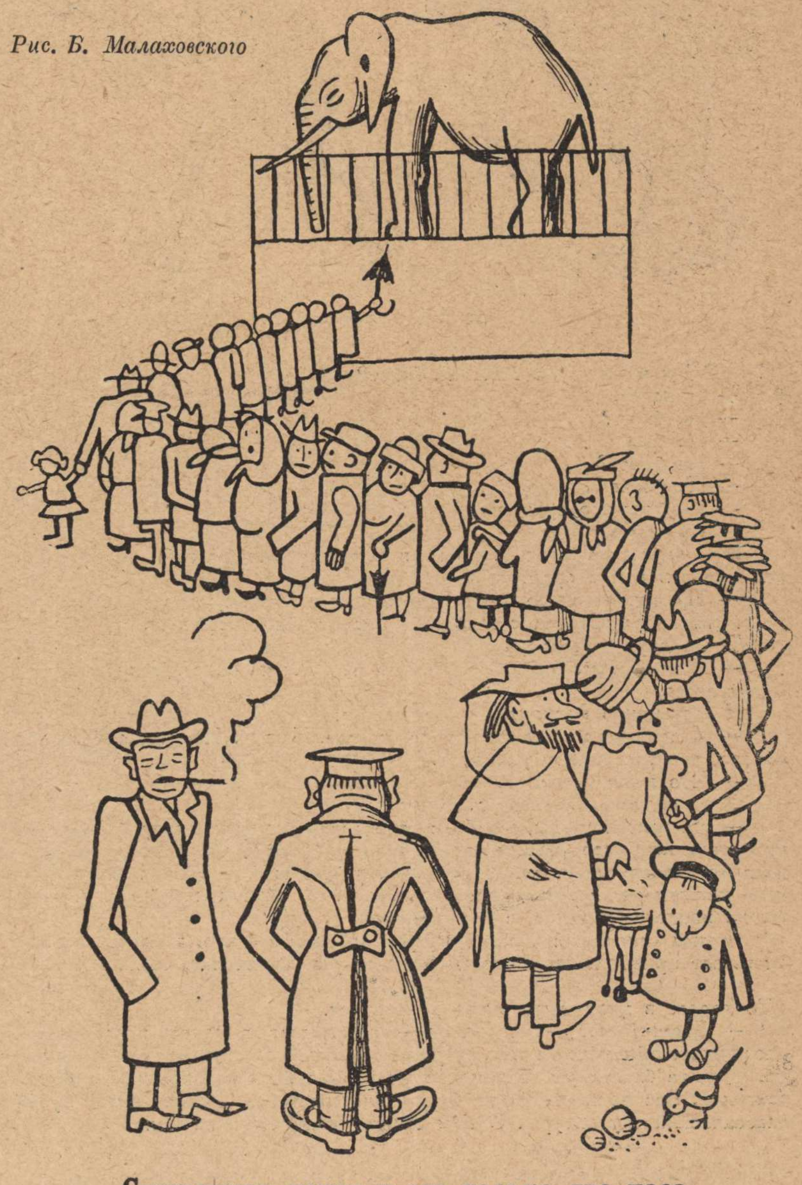
Среди этой огромной очереди к квартире врача Хребтова жены „Фунтика" не было.

Азот

ЗООЛОГИЯ ДЫБОМ, или КАК У ЛЮДЕЙ

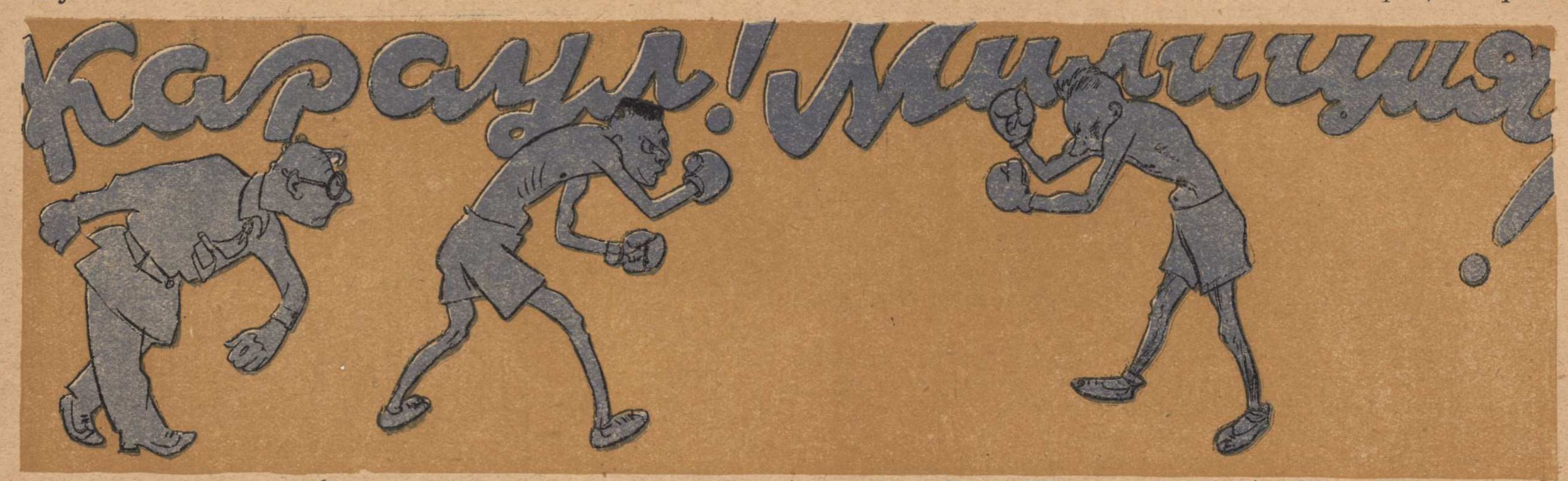
В московском зоосаду к слону обычно очередь до 1.000 человек. Стоят и ждут по часу.

Рис. Б. Малаховского

— **Сказывают, прием у его только два часа.**
— **А потом куды-ж?**
— **На заседание какое нибудь поедет!**

Рисунки К. Ротова. *Текст Иностранца Федорова*

(Финальный день международных состязаний по боксу в первом госцирке)

Ка-ак? Вы никогда не были на боксе?

— Никогда.

— Не были?

— Не был.

— На боксе?

— На боксе

— Нет, вы это серьезно?

— Серьезно.

Мой друг взял меня за плечи и слегка притянул к себе, внимательно вглядываясь в мое лицо.

— Ну, ну, дружище, поглядите-ка мне в глаза. Только честно.

Я поглядел. Старался глядеть с максимальной честностью.

Тогда друг сказал:

— Я верю вам. Вы действительно не были на боксе. Такие глаза не могут лгать.

Я застенчиво потупился и прошептал:

— Я вообще, знаете, это-самое, не лгу. Иногда. Но что, собственно говоря, вас так сильно удивляет?

— Что меня удивляет?

Друг радостно захохотал.

— Да знаете ли вы, что бокс—это лучший цветок в саду физической культуры, наиболее выдержанный и изящный вид спорта, лучшее проявление человеческого интеллекта... Э, да что там!.. Сегодня финальный день международных состязаний по боксу. В первом госцирке. И если вы не пойдете со мною, я вас прокляну.

Я знал серьезный характер друга и, опасаясь, что, в случае отказа, он может привести свою страшную угрозу в исполнение, согласился.

* * *

По дороге в цирк друг очень волновался.

— Дорогой мой,— говорил он,— вас ожидает высокое наслаждение. Вы увидите обнаженные тела здоровых, идеально сложенных рекордсменов. Вы увидите блестящее соединение молодого пыла с осторожной глубокой тактикой. Вас поразит обилие бицепсов. Перед вами пройдет живой музей классический скульптуры. Одним словом, положитесь на меня.

Здание цирка напоминало Вавилон, осажденный полчищами царя Кира. Билетов давно уже не было. Толпа ревела. Кто-то предложил ломать двери. Затея публике понравилась. Некоторые, наиболее рьяные любители бокса, с большими развивающимися клешами и физиономиями, на которых было написано только одно слово — „Бей“, — принялись за практическое разрешение дверной проблемы. Двери хрустнули. Однако, своевременное появление милиции внесло в вопрос некоторую ясность.

Нас окружили хриплые личности. В их ладонях были зажаты потные комочки билетов. Хриплые личности конспиративно дышали в уши покупателей.

— Вторые места за ложами — пять рублей. По дешевке отдаем, граждании. В кассе полтора рубля.

Я хотел было запротестовать, но спутник крепко сжал мою руку.

— Молчите,— прошептал он,— вы ничего не понимаете. Это, действительно, басносковно дешево.

В его глазах появился огонек безумия. Я стал вглядываться в окружающих. Раскрытые рты, бешено работающие локти, с'ехавшие на затылок шляпы, растрепанные усы, треснувшие стекла очков,— все это красноречиво указывало на то, что мой друг мог гордиться большим количеством единомышленников.

* * *

Мы уселись.

Посредине арены выделялся досчатый квадрат, окруженный тройным рядом доброкачественных веревок, обмотанных для крепости тряпками.

— Скажите пожалуйста — обратился я к соседу справа,— зачем эти веревки? По ним будут ходить?

Сосед — ласковый старичок — общительно улыбнулся.

— Вы, верно, никогда не были на боксе. Это — ринг. Веревки нужны, чтобы боксеры не могли убежать.

— Зачем же им убегать? — усмехнулся я, — ведь не будут же их бить, надеюсь.

Старичок ткнул меня пальцем в живот и хихикнул.

— Шутить изволите!..

* * *

Самобытный гигант подошел к блондину с могучей грудью и ударил его по морде.

На ринг вылазили тщедушные подростки от 12 до 16 лет и прилагали все усилия к тому, чтобы выбить последние остатки жизни из хилых тел своих противников.

Я начал успокаиваться.

— Вот, вот! — воскликнул мой друг.— Начинается!

На ринг неуклюже пролезли через веревки два худых и даже изможденных мальчика. Один был в красных трусиках, другой — в белых. Недалеко от ринга поместился врач в белом халате с красным крестом на рукаве и с перевязочными материалами в руках.

Тяжелое предчувствие сжало мое сердце.

— Зачем врач? — спросил я друга.

— Да не мешай же, ч-чорт, — нетерпеливо сказал друг, — смотри лучше. Вот тот, блондин с могучей грудью, в красных трусах — финляндец, а этот — самобытный гигант, в белых — наш, советский.

— Не понимаю я этих родителей — заметил я. — Довести своих детишек до такого состояния могут только черствые, злые люди. И куда только смотрит деткомиссия?..

— Иэх,— сказал ласковый старичок, с вожделением потирая руки,— наложит сейчас наш советский басурману ихнему по первое число!

На ринг вылез главный судья и зычно заявил:

— Заключительный день международных состязаний по боксу.

После этого ударил гонг. Самобытный гигант подошел к блондину с могучей грудью и ударил его по морде. Из носа блондина пошла кровь.

Я судорожно вцепился в руку ласкового старичка.

— Послушайте, папаша, вы ничего не заметили?

— Долбай его! — завизжал старичок, отмахиваясь от меня, как от мухи.— Добивай гада!

В ужасе я обхватил туловище друга.

— Пусти,— прохрипел он, отпихивая меня ловким боковым ударом и бешено аплодируя.— В живот цель, в живот!

Ободренный гигант трахнул блондина в ключицу. Блондин закрылся рукавицами, как кот, и попятился. Но веревки преградили ему путь. Блондин с отчаянием оглянулся — выхода не было. Тогда он, неловко маша руками, полез на самобытного гиганта.

— Милиционер!!! — крикнул я.— Помогит...

Друг с помощью ласкового старичка зажал мне рот.

— Ты с ума спятил! — зашептал он.— Хочешь угодить в отделение за хулиганство?

* * *

Я был побежден. Блондина в красных трусиках с могучей грудью постигла та же участь. Узнав, что он побежден, блондин быстро воспользовался своим правом и убежал с ринга.

Побоище продолжалось. На ринг вылазили тщедушные подростки от 12 до 16 лет и прилагали все усилия к тому, чтобы выбить последние признаки жизни из хилых тел своих противников.

Однажды на эстраде появился лысый человек с бородой, повидимому почтенный отец семейства. Бородач был настолько немощен, что приходилось только удивляться, как он еще сохранил способность двигаться. К всеобщему удивлению немощный старик тоже полез в драку. Его противник был представлен публике, как чемпион тяжелого веса. Чемпион — высокий юнец (типа верзилы-гимназиста) набросился на старика и принялся с энтузиазмом тузить его по бороде. Старик крутил головой, как лошадь, и всячески старался убежать. Так они и бегали друг за другом — верзила за стариком. И когда верзиле удавалось настигнуть ловкого старика — он бил его по бороде. Мучения почтенного отца семейства прекратил удар гонга.

„Ну, слава богу", — подумал старик, — „на этот раз я остался жив. Однако, что день грядущий мне готовит?"

Верзилу-гимназиста проводили сочувственным рычанием.

* * *

Верзилу-гимназиста проводили сочувственным рычанием.

Веселый вечер окончился гастрольным выступлением чемпиона Градополова. Чемпиону дали на растерзание полудохлого паренька.

— Навались, Костя! — крикнул мой друг.

Костя навалился Не прошло и трех минут, как полудохлый паренек оказался вполне дохлым. Он упал на ринг и пролежал без сознания секунд двадцать пять.

Восторг аудитории дошел до апогея.

Публика ринулась к выходу

Покупая на улице папиросы, я оказался свидетелем любопытной сцены: к одному советскому гражданину подошел другой советский гражданин и, вежливо сообщив ему, что он не согласен с мнением последнего по поводу шестой схватки — ударил его по морде.

— Вот тебе за Костю! — сказал он приветливо.

* * *

Бейте меня, режьте меня, но на бокс я больше не пойду. Довольно крови!

Иностранец Федоров

Хриплые личности конспиративно дышали в уши покупателей.

— Вот тебе за Костю! — сказал он приветливо...

НА ТУРНИРЕ

„В Москве устраивается шахматный турнир кино-работников. Из среды лучших игроков будет организован „турнир победителей". Среди московских работников кино имеется ряд серьезных и классных игроков".

Из газет.

Начинаем, что ли, товарищи?

— Ход конем...

— Не годится. Проиграете! Уже пробовали „ход конем" — слабовато вышло.

— С короля, товарищи, ходите!

— Да мы не только с короля. Но и с царя ходили. „Поэт и Царь". Так сказать, „царский гамбит", — и ничего, кроме неприятностей.

— Хожу по „Генеральной Линии".

— Позвольте, это не по шахматному!

— Зато — говорят — по настоящему будет.

— Шах королеве!

— Позвольте. Как же это королеве — вдруг „шах"? Мы интриг не допустим! Королевы экрана были, есть и будут!

— Да кто же их трогает? Ведь, тут турнир, а не с'емка. Шах королеве.

— Погодите, товарищи. Так нельзя. Вместо королевы „Бабами Рязанскими" ходите.

— В какое время живем.

— В пролетарское время! Вместо королей, — как раз в аккурат бабами и выходить.

— Послушайте, так играть нельзя, право!..

— Ну, вот еще. Отчего же вы пешку не бьете? Что за хитрости.

— Благодарю. Буду я бить пешку, а потом кино-процесс затеете на весь СССР. Мол, режиссер кино — пешек бьет.

— Чудак человек. Ведь тут турнир. Играем. Ну, давайте вашего „Потомка Араба". Коня. Коня. Бейте турой пешку!

— Не стану я бить пешек. Бейте сами, если не боитесь.

— Позвольте. Так проиграете партию.

— Лучше проиграть партию, чем процесс.

— Товарищи, кино-работнички! Играем мы или не играем? Что же это такое, на место королевы „Катька бумажный ранет" лезет? И „Девушка с коробкой".

— Позвольте, она у нас тоже королева!

— Какое нахальство. Его премьерша королева — а я уже и не королева?

— Чорт с вами, все вы королевы!

— Чем вы рокируете. Вам надо „Женой" — а вы „Второй женой" рокируете, вам „Нателлой" — а вы „Беллой".

— А чорт их разберет. Похожи одна на другую, как две кино-рецензии.

— Играйте. Играйте. Обнажаю вашу королеву!

— Что? Это чем же пахнет?

— Да, ведь, она на доске.

— Это все равно где. Обнажать не полагается! Под суд захотелось?

— Играйте, играйте. Давайте удар. Все октябрьские картины ставьте.

— Боюсь, в ничью выйдет.

— Товарищи из Межрабпом? Чем вы ходите? „Такой женщиной" — вы ходите, даже неловко как-то!

— А вот у нас режиссер один...

— Играйте, играйте, товарищи...

— Чорт его разберет. В ателье режиссер кричит: „Не играйте, давайте жизнь, без игры", а тут кричат: „Играйте".

— Так, ведь, здесь шахматный турнир...

— А у нас режиссер один на четвертой партии сел.

— Шахматист, что ли?

— Нет, мануфактуру скупал. На четвертой партии сел.

Турнир продолжается...

Д. Маллори

ЗАГС НА ДОМУ

Братцы! Товарищи!! Граждане!!! Да что же это такое делается? Любо-о-о-вь стали по исходящему проводить!! Душу гербовыми марками оклеивают!!!

В газете „Борьба" № 258 (Сталинград) читайте:

РАСПИСКА ОБ ОКОНЧАНИИ ЛЮБВИ

Мы нижеподписуемся Антон Антонович и Устинья Степановна в том, что мы находились в любви четыре месяца по 23 января 1927 г. пять часов вечера. Разошлись, кончали любовь в согласие с обоих сторон и с сегодняшнего вечера считаем друг друга свободными. Имеем полное право занимать любовника и любовницу других и плюс к этому ложные показания и заявления считать недействительные.

Расписались: любовник — Зверев, любовница — за неграмотную, а свидетельницами — приятельницы Соседовой...

Гос-с-с-поди! Грамотность-то до чего же доперла!!

Аист

ЛАКОМЫЙ КУСОЧЕК

Рис. Н. Радлова

В Париже открылась гастрономическая выставка.

— Что ты облизываешься? Меду, небось, захотелось?
— Нет. Захотелось имения...

СОВУЧРЕЖДЕНЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА.

Вопрос. Что такое совучрежденческая грамматика?

Ответ. Совучрежденческая грамматика есть наука хитро льстить языком и пером.

Вопрос. Какое разделение слов примечается?

Ответ. Обыкновенные слова бывают: односложные, двусложные, трехсложные и многосложные.

Односложные: зав, зам, бух, пом;

Двухсложные: разряд, доклад ставка;

Трехсложные: выговор, счетовод, деловод и, наконец,

многосложные: упрощение, рационализация, сокращение, увольнение, перемещение, освобождение.

Вопрос. Какие люди обыкновенно составляют совучреждение?

Ответ. Гласные и безгласные.

Вопрос. Что разумеешь ты через гласных?

Ответ. Через гласных разумею тех „больших людей", кои по большей части самым простым звуком, через одно отверстие рта, производят в безгласных то действие, какое им угодно.

Вопрос. Сколько в учреждении гласных бывает?

Ответ. Обыкновенно мало: два, три, редко четыре.

Вопрос. Но между гласными и безгласными нету ли еще какого рода?

Ответ. Есть: полугласные и полуначи.

Вопрос. Что есть полунач.

Ответ. Полунач есть тот, который уже вышел из безгласных, но не попал еще в гласные: или иначе сказать тот, который перед гласными хотя еще безгласный, но перед безгласными уже гласный.

Вопрос. Что разумеешь ты через безгласных?

Ответ. Они в учреждении точно то, что в азбуке буква ъ в былом, то-есть: сами собой, без помощи других букв, никакого звука не производят.

Всезнайка?

(Продолжение следует)

ПРИЧИНЫ и СЛЕДСТВИЕ

В новом доме так просторно...
Там блаженствует народ...
Ванны... Плиты, жарче горна...
Через год... наоборот.
Стонут... Бьются из за места.
Втерлись, ешь их сатана;
Марья Львовна, как невеста,
Дарья Провна, как жена.
Некий Шварц, по праву кума,
Стал там твердою ногой...
Нэпман площадь снял, без шума,
Потому что был с деньгой.
Нэпачиха, как супруга,
Влезла с парой малышей,
Вову Серж вписал, как друга,
В'ехал кот... ловить мышей.
Петр, — как дворник. Павел Сдельный,
Как домкомовский свояк...
И лишь рыжий клоп постельный
Расплодился... просто так.

М. Андр

ОНА ВСЕГДА НЕДОВОЛЬНА

Запрятав „котики" подальше,
Храня „запасы" под замком,
Пришлось ей, бывшей генеральше,
Торчать за супом и пайком.
Коко и Пьер осиротело
Болтались там, где белый фронт.
И с вожделением глядела
Она на хмурый горизонт.
А время шло. Яснело небо.
Расцвел махровым цветом НЭП.
И стало всем алкавшим хлеба
Возможно кушать с маслом хлеб.
Очистив сак от нафталина,
Сдавала комнаты жильцам
Гражданка Мохова, Ирина, —
Опять „хозяйка" и „мадам".
Теперь она толста, как бочка.
В дому комфорт и благодать.
За зава замуж вышла дочка
И формируется под мать.
Но все-ж „мадам" полна протестом.
Одна из множества причин, —
Что юбилейным манифестом
Ей не вернули прежний чин...

Дм. Ценвор

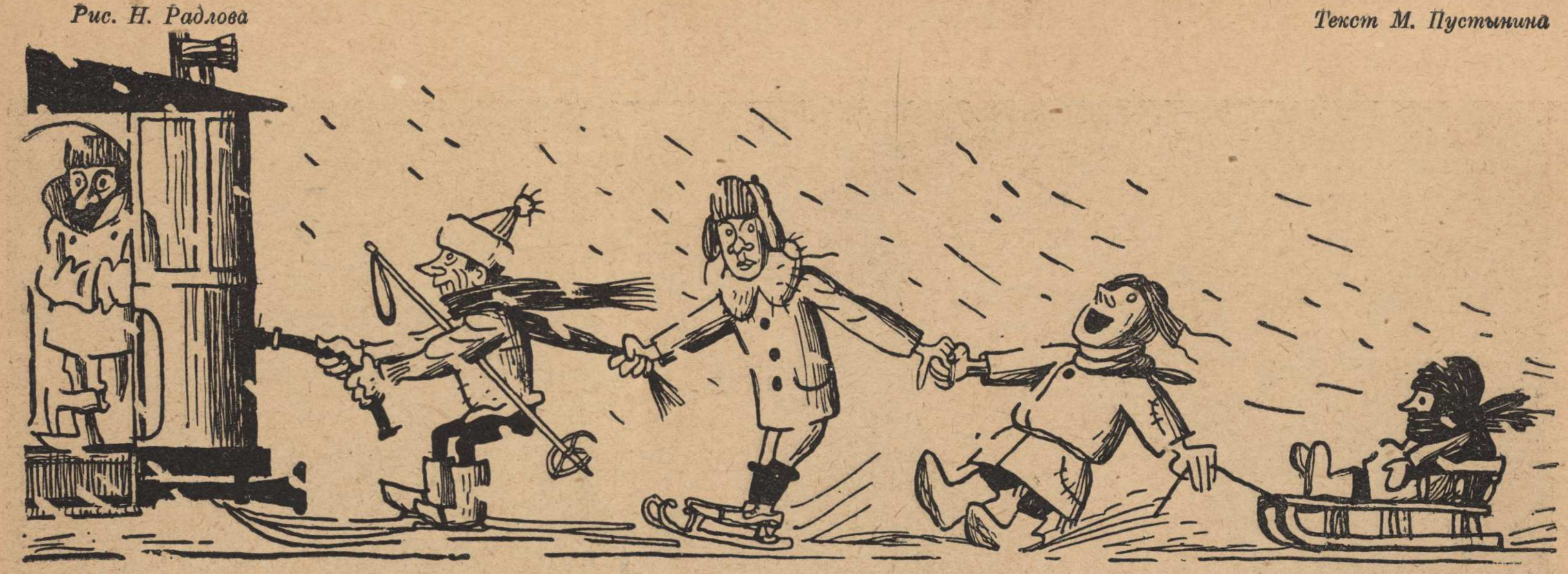
ВРЕМЯ—ДЕНЬГИ

— Надолго-ли уехал ваш муж?

— На три месяца или пятьсот рублей штрафа.

Рис. Н. Радлова *Текст М. Пустынина*

Зима... Мальчишки, торжествуя,
Шалят,—живые, точно ртуть,—
И, безнаказанность почуя,
Бесплатно обновляют путь...

Летят стрелой, благословляя
Молниеносный, бег трамвая,
„Катков“ случайных полосу,
Вцепившись дружно в „колбасу“.

На лыжах Сенька, как инструктор.
Держась за шарф, за ним орет
„Спортсменов“
Радостный народ...

Теперь не страшен сам кондуктор!
Ему, кондуктору,
Смешно,—
Хоть детям он грозит в окно...

ДРАМА В БЕРДИЧЕВЕ

(Нечто о культурных достижениях)

Город Бердичев волновался. Усиленные наряды милиции с трудом сдерживали отчаянную толпу, которая с воем осаждала пышный вестибюль гостиницы „Континенталь“.

Но увы! Проникнуть в гостиницу было невозможно. Все номера были заняты. Люди, оставшиеся за бортом, с бледными лицами и горящими глазами пытались правдами и неправдами проникнуть в ослепительный отель. Ходили слухи, что темные личности за баснословные цены продают номера, захваченные ими заблаговременно.

Между тем прибывали все новые и новые партии граждан города Бердичева. Милиция сбилась с ног. Видавшие виды работники центра, приехавшие в Бердичев по командировкам, принуждены были проводить ночи на вокзале.

Толпа росла.

— Пустите нас! — кричали люди.— Пустите нас в гостиницу „Континенталь“!

— Старушку задавило. Осторожнее.

— Куда вы, мадам, прете с малолетним ребенком? Не видите, что делается?!

Девицы истерически визжали. Солидные граждане локтями и палками пробивали путь к заветным дверям. Скорая помощь экстренно вывозила пострадавших.

— Пустите нас! — стоял сплошной душераздирающий вопль,— пустите нас в гостиницу „Континенталь“!

Редкие прохожие, проходя мимо толпы, узнавали в чем дело, разевали рты и присоединялись к штурмующим колоннам. Задние напирали на передних. Передние мяукали.

Волнение дошло до апогея...

Что же, собственно говоря, могло вызвать такой ажиотаж? Что привело граждан города Бердичева к вратам гостиницы?

Выдавали мануфактуру не членам союза? Демонстрировали живого кооператора, снизившего цены? В гостинице поселилась Мэри Пикфорд? Или может быть принималась подписка на „Смехач“ (отд. № 15 коп., в месяц — 60 коп. Для подписчиков „Гудка“ — 50 коп.)???

Нет! Нет! И еще раз нет!

Ажиотаж был вызван нижеследующей рекламной карточкой, распространенной среди населения хитроумными хозяйчиками.

> ГОСТИНИЦА
> **„КОНТИНЕНТАЛЬ“**
> Город Бердичев, Махновская, № 42.
>
> При гостинице имеется ванна и ватерклозет.
>
> Содержат. гостиницы *Амчеславская.*

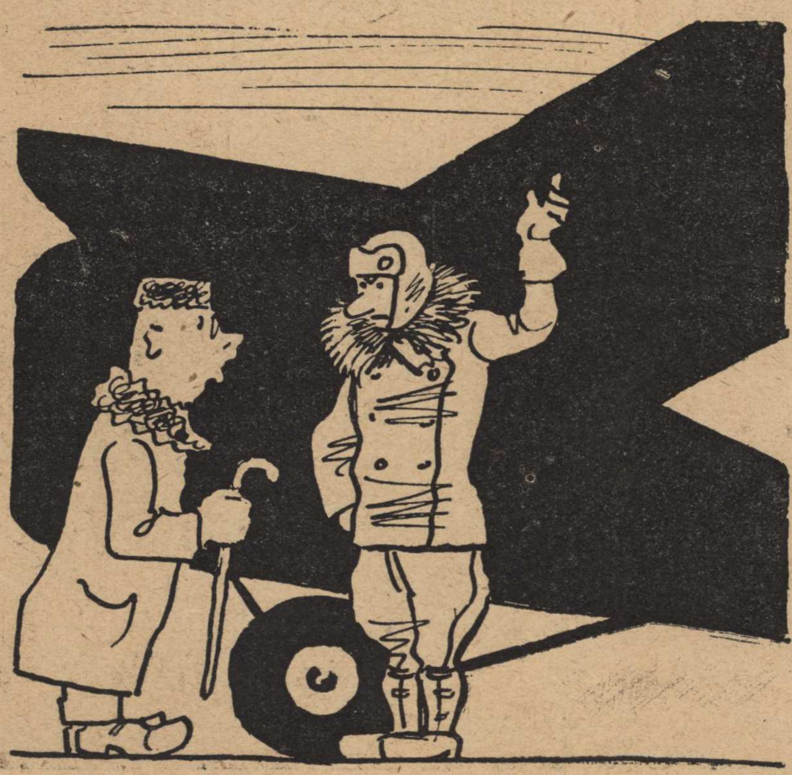
Комментарии излишни.

Подлинник карточки находится в редакции „Смехача“.

Е. П.

Рис. Н. Р.

ВЫСОКИЙ РАЗРЯД

ЛЕТЧИК:— Фу, чорт, чуть не погиб. В атмосферный разряд попал.

ОБЫВАТЕЛЬ:— Чудак! В такой высокий разряд попал и еще жалуется!

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Слишком уж несовременны рассказы, печатаемые в „Охотничьей Газете“.

Вот отрывок из рассказа, помещенного в номере 22-ом:

> *На полях, из межи, шагах в десяти от Васюкова, выскочил еще не вполне выцветший небольшой русак. Васюков от неожиданности споткнулся, два раза выстрелил — промазал и побежал за русаком.*

А можно было-бы легко осовременить этот охотничий рассказ.

Заяц, за которым неудачливый охотник, после промаха, бежит с целью его поймать, мог-бы обратиться к своему преследователю с такой речью:

— Уважаемый горе-охотник! Ведь я не радио-заяц какой-нибудь что вы меня голыми руками поймать хотите!

*

„Разлилась тоска глубокая в голубых глазах... быка!“

Эти лирические строки принадлежат поэту А. Кузнецову, — автору стихотворения „Бык“, помещенного в последнем (22-м) номере „Журнала Крестьянской Молодежи“.

Автор хочет проникнуться бычьей психологией и передать тоску быка, вызванную... тракторизацией деревни:

Все отжившее и старое
Превращается в дерьмо,
Не кладут на шею ярую
Деревянное ярмо.

Много пашен по обычаю
Взрыли плечи и рога,
А теперь вот сила бычья
Никому не дорога.

По поводу этих стихов один черкасский бык сказал:

— Не верьте поэту Кузнецову: никакой тоски по деревянному ярму я не испытываю. Наоборот, я чрезвычайно счастлив, что трактор освободил меня от деревянного ярма. И затем — что значат слова: „много пашен по обычаю взрыли плечи и рога“? Ни один уважающий себя бык не будет пахать землю... рогами! Категорически протестую против незаслуженной клеветы и в этом своем протесте я буду упорен, как... бык! Передайте товарищу Кузнецову, что если он и впредь будет дискредитировать быков, — я его... забодаю!!

40 ЧЕЛОВЕК И...

НАКАНУНЕ НОВОГО ПРИЗНАНИЯ

Мы можем поздравить граждан СССР с новым признанием. Советскую власть согласен признать... Рабинович.

В виду того, что Советский Союз без Рабиновича погибнет, г-н Рабинович, проживающий в Югославии, прислал в город Николаев в главный комиссариат городского магистрата ноту:

„Прошу уплатить мне проценты с моей $4^1/_2$ %% облигации кредитного общества гор. Николаева. Всего облигаций на сумму 40.000 руб. Скорый платеж этого долга ***ускорит мое признание советской власти.***

(Почтовый штемпель 21 октября 1927 года).

Рабинович

От редакции. Ой, Рабинович, вы что-то не договариваете?!

А вы не жулик?

А вдруг не признаете!!

ВЕЧЕР БЫЛ...

В годовщину Октября тверские работники искусств устроили в помещении Госteатра вечер, посвященный „Революционным стихам“.

Артист Любимов прочел революционные стихи „Вечер был... мерцали звезды“. О двадцатилетнем малютке, которого подобрала на улице добрая сознательная старуха, напоила коньяком, положила в постельку и... сама потом легла.

Закончили вечер всеобщей пьянкой, дракой, битьем посуды в буфете и стекол в артистической уборной.

Вечер был... мерцали звезды... драка... стон... буфет трещал.

— Бог и птичку в поле кормит.

Видите, даже бог — и тот только кормит, а не поит...

ОБЩЕЕ, СЕМЕЙНОЕ И НОМЕРНОЕ ОБ'ЕДИНЕНИЕ

Омская газета „Рабочий Путь“ (№ 255) сообщает ко всеобщему сведению:

„Ленкомтрест производит концетрацию управленческих аппаратов.

Управление банями и кино тоже об'единяются под одно управление“.

Умно поступили! Разве мало общего между кино и банями?

В банях парятся и в кино публика парится... В кино не обойтись без простыни для экрана и в баню опять-же требуются простыни... В кино на экране орудуют разные детективные шайки и бане шайки необходимы!..

— Вот это рационализация!..

КТО ДОЛЬШЕ ВСЕХ ЖИВЕТ?

Статистикой установлено, что меньше всех живут (в среднем):

Меланхолики, пессимисты, маловеры до 43 лет.

Скептики, нытики паникеры до 35 лет.

Телячьи головы и медные лбы до 27 лет.

Подписчики и читатели „Смехача“ до 92 лет, при чем в последней категории ни разу не наблюдалось случаев самоубийств.

И не удивительно! Каждый номер „Смехача“ является своего рода **рецептом долголетия.**

Во сколько же обходится гражданам это средство, способствующее продлению жизни, исполненной беспрерывной бодрости, трудолюбия, веселого духа и ясного взгляда?

Не так дорого! „Смехач“ можно выписать почти за бесценок. **Цена** этого очаровательного журнала с бесплатным приложением 12 книжек „Смехач на дому“ (под редакцией Евлампия Надькина и таинственной, но весьма энергичной супруги его Матильды):—

При подписке на год—6 р., на полгода—3 р. 40 к., на три месяца—1 р. 80 к., на один месяц—60 к., (для железнодорожников 50 к.).

Черствый бюрократ, чиновник, волокитчик, считают достаточным к любой бумажке руку приложить и баста.

„Смехач“, непрестанно враждующий с этими жалкими человечками, в 1928 году безо всякой волокиты еженедельно дает своим подписчикам отличный многокрасочный журнал, озаренный блеском сатиры и юмора и с необычайной щедростью украшенный богатейшими рисунками самых великолепных художников.

К сему „Смехач“ отнюдь не приложит, как черствый чиновник, никому не нужную руку, а приложит **12 отборнейших книжек с картинками, — именно: „Смехач на дому“, где читатель найдет правила для здоровья и поддержания жизни, разные заметки по хозяйству, сведения о всяческих чудесах, сообщения о нервных болезнях, о непромокаемом пальто, о путешествии под водой, а также всякие советы, как, например, составить порошок, от которого произойдет гром, подобный пушечному выстрелу, как развести в квартире грибы, как развить в себе энергию, силу воли и музыкальные наклонности, как приготовить борщ со сметаной и без, а также историю происхождения сосисек и пр.**

В одном из ближайших номеров Евлампий Надькин без малейшей застенчивости посвятит читателей в отдельные детали уже подготовляемого им для печати труда.

Однако, почтенный Евлампий Карпович настойчиво просит немедленно направлять подписную плату (Солянка, Дворец Труда, 12, „Гудок“), ибо каждый денежный перевод способствует еще большему воодушевлению и рвению автора.

...8 ЛОШАДЕЙ

ЗАТМЕНИЕ

Пермской железной дорогой составлена и распространена среди старост службы пути анкета о шпалах. В этой анкете значатся такие вопросы:

— Не совпадает ли день укладки шпал с лунным или солнечным затмением?

— Если шпала не находится в добром здравии, то чем страдает и т. д.

Шпала, составлявшая сию анкету, повидимому, в добром здравии не обретается. Несомненно день составления анкеты совпал с затмением автора...

ЛИПОВАЯ АРТЕЛЬ

Минским следователем получен такой документ:

„Мы, граждане Горохов, два Кацнельсона, Коленский и Гельфанд сдаем в аренду гражданам Горохову двум Кацнельсонам, Коленскому и Гельфанду, организующим артель Леспомол, принадлежащую нам, мельничные маслобойни и лесопильную установку.

Мы, Горохов, два Кацнельсона, Коленский и Гельфанд уплачиваем Горохову двум Кацнельсонам, Коленскому и Гельфанду ежемесячно сто рублей. Мы, Горохов, два Кацнельсона, Коленский и Гельфанд обязуемся никаких претензий к Горохову, двум Кацнельсонам, Коленскому и Гельфанду не пред'являть, в чем и подписываемся“.

Вот это операция!

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Курган. — Мышеловке.

„Интересует ли Вас, как поколотила нашего главного бухгалтера поломойка?

Нас интересует, была ли за это поломойке головомойка? С ответом не спешите. Дело терпит!

Киев. — Крайзу.

„Как-то раз на именины
Распрекрасной нашей Нины
Я купил кило свинины...“

Ваш стишок про именины,
Про свинину и про Нину
Мы отправили в корзину!

Харьков. — Простецкому.

Загадка. Ноги спичкой
Со странной кличкой.
Ответ. Житель Крыма.

В таком случае и мы предложим Вам загадку:

Кто это?—На столе коробка,
В голове пробка...

Ответ... Сами наверно догадались — вы же не дурак!

Саратов. — Володе.

„Я учусь в школе второй ступени и хочу научиться рисовать карикатуры в вашем журнале. К сожалению, рисовать я не могу!“

А таблицу умножения знаешь, Володя? Когда окончишь ВУЗ, приходи в „Смехач“, и мы научим тебя рисовать, а пока мы за тебя порисуем! У тебя своего дела много!

Издатель – «ГУДОК».

Отв. редактор — **И. Н. Пирогов.**

Главлит № А—3616. Отп. в 7-й типографии «Искра Революции» Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипп. п., 11. Тираж 110.000.

В ЧЕМ НЕСООТВЕТСТВИЕ?

(Задача на премию)

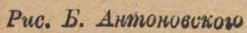
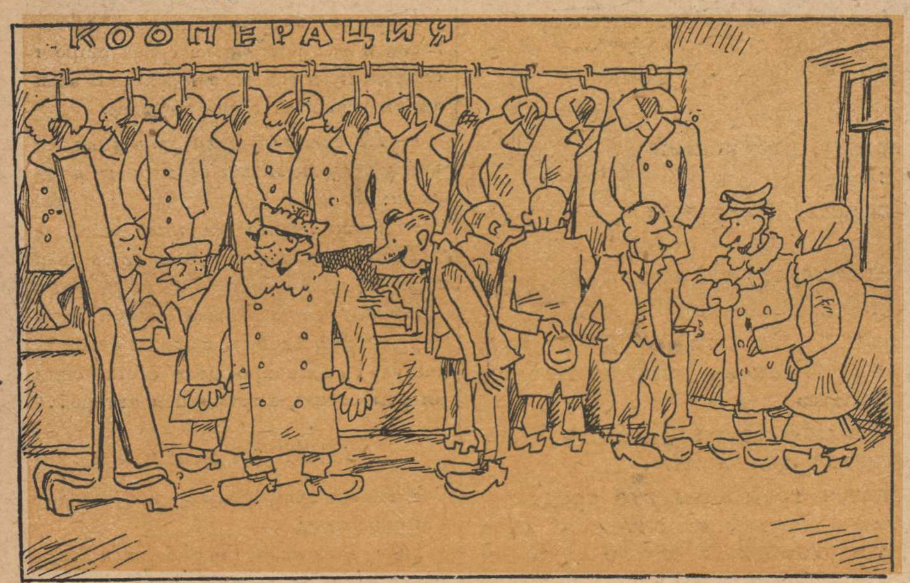
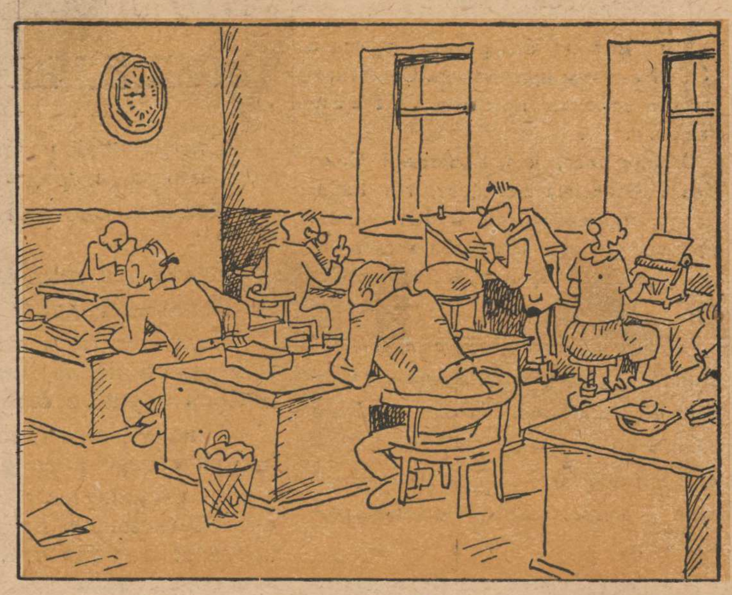

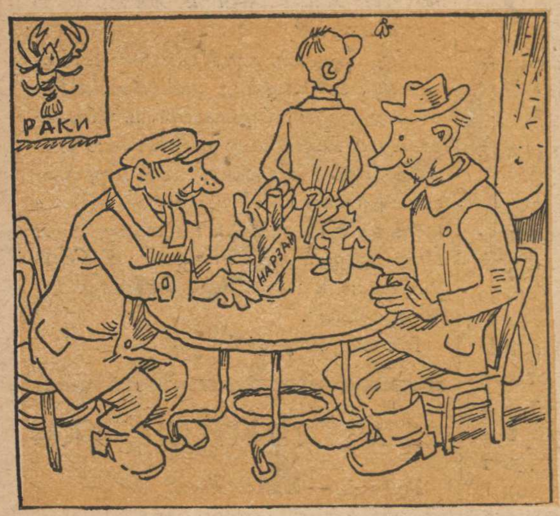
Рис. Б. Антоновского

В кооперативном магазине.

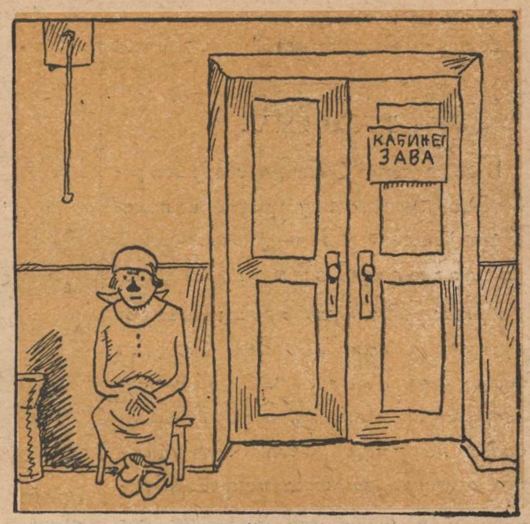
В совучреждении в 9 ч. утра.

В пивной.

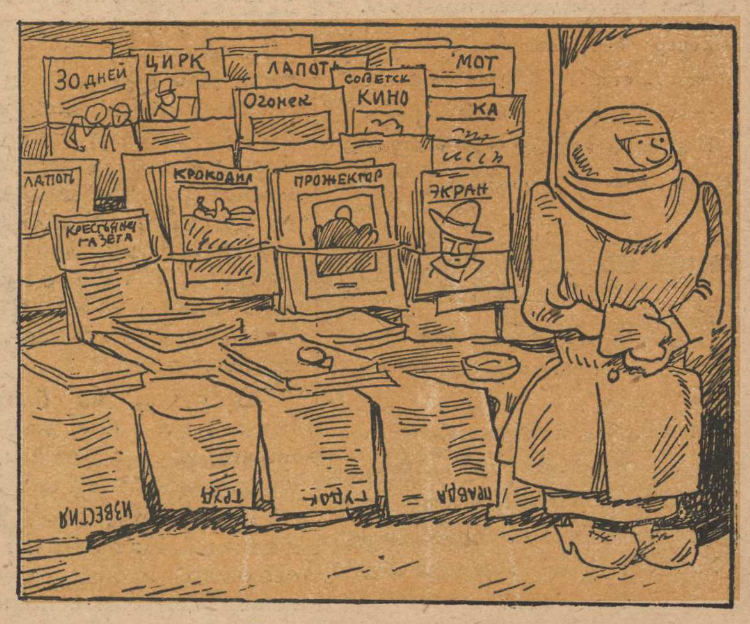
Охрана труда.

У ЗАВетных дверей.

„Искусство—трудящимся!“

Витрина киоска.

„Смехач“ указывает читателю на несоответствия в помещенных здесь рисунках. 100 читателей, приславших верные решения с точным указанием, в чем именно несоответствие, получат премию — 2 книжки юмористической библиотеки „Смехача“.